

**3-е место. Номинация «Нет в России семьи такой, где не памятен свой герой»
Екатерина Комарова (Саянск, 17 лет)**

Домашняя по литературе Фотография из семейного альбома

– Ка-а-тя! К-а-ать! Ты уже пришла? Ну ты где, Кать?

Так громко в нашем доме может кричать только один человек – моя младшая сестренка Машка, когда возвращается из школы. «Боевая единица 5-го класса» – так в шутку называет её мама. Машка и вправду человек шумный, задиристый, непоседливый, общительный и крайне любопытный, на одном месте дольше десяти минут усидеть не может. Мама часто вздыхает, глядя на то, как она, вертясь во все стороны и пытаясь незаметно для нас ткнуть пальцем в спрятанный под учебником телефон, якобы делает уроки: «Вот в кого такая уродилась? Никакой серьезности, усидчивости. Один ветер в голове. Ни сидеть, ни ходить спокойно не может. Трещотка, шило и вертушка, а не ребенок».

Вот и сейчас Машка, буквально через секунду влетев в комнату, оглушила ворохом новостей про погоду, подружек и тех, кто ей подружкой принципиально никогда не будет, про соседа по парте, который вечно «зажимает» задание, не давая ей подглядеть (а сама она «почти что все правильно решила, надо было только сверить»), про оценки («да мне математичка все равно больше тройки не поставит, у неё ж четверки и пятерки только для любимчиков!»). Наконец новости иссякли, повисла неожиданная пауза, нехарактерная для сестренки. «Боевая единичка» замаялась, поёрзала в кресле, потом решила:

– Нам по литературе домашку задали творческую. Про войну.

– Это как? – не поняла я. – Сочинение написать, что ли?

– Да не сочинение. Творческую работу про своих ветеранов, семейных. Рассказ какой-нибудь. Про тех, кто воевал, и тех, кто был в тылу в войну. Сейчас всякие конкурсы проходят, 75 лет Победы, знаешь же. Вам ведь Инна Ивановна тоже что-то такое задавала? Ну вот, а теперь нам Виктория Сергеевна задала. Напишите, говорит, и оценку в четверти, может, по литературе исправите. А у меня тройка вырисовывается! А мама сказала, что, если по истории и литературе тройки выйдут, телефона мне до лета не видать... Ка-ать, помоги, а? Ну пожалуйста! Тебе ж несложно, у тебя-то по литературе все нормально...

Выносить Машкино нытье – то ещё удовольствие. Но и помогать с домашкой... Был у меня печальный опыт в этом деле, и неоднократно. Да и не у одной меня. Бестолковая суетливость сестренки, её стремление свалить абсолютно всю работу на другого, а самой благополучно увильнуть в сторону выводили из себя любого помощника, оттого и связываться сейчас с заданием очень уж не хотелось. Однако эти умоляющие глаза напротив... Пришлось сдаться.

– Ладно. Только с условием: делаешь вместе со мной! Не я делаю, а ты! Я помогаю! Именно помогаю! Уяснила?

Машка вначале сдвинула бровки вверх, наморщила нос в веснушках, уже приготовившись в очередной раз поныть и поныть как можно жалобнее, но, очевидно, вспомнив про обещание мамы насчет телефона, коротко кивнула:

– А когда делать будем? Нам через три дня сдать надо!

– Вечером и будем. Пойдем к бабе Наде. Где-то у неё альбом с фотографиями был...

– А...

– Маш, вечером! Все, мелкая, дуй давай отсюда, я физику учу!

Наша бабушка (баба Надя – для нас, Надежда Евгеньевна Комарова - для всех остальных) внучкам всегда рада:

– Вот и хорошо, что забежали. Как знала, конфет купила. Чай-то будете?

– Лучше конфеты с чаем! – весело донеслось из кухни.

На нашу просьбу показать старый альбом бабушка заволновалась. Она всегда волновалась, когда доставала его. Делала она это редко, в основном накануне 9 Мая, страницы листала медленно, расправляя случайно загнутые кончики фотографий, а когда ставила на место, в глубину книжного шкафа, долго молчала.

– Показать, конечно, покажу. И рассказать расскажу. А с собой не дам! И ни одну фотографию тоже не дам! Особенно тебе, Марья, – строго взглянула бабуля на мелкую. Та тут же вскинулась что-то возразить, но быстро потухла и промолчала.

Баба Надя отодвинула чашки с недопитым чаем, расстелила чистое кухонное полотенечико и положила хорошо знакомый мне старый, в плюшевой, уже местами вытертой, полинявшей зеленой обложке фотоальбом. Сестричка тут же пристроилась на стуле, сунув нос в первую страницу:

– Это ты, баба? С дедушкой, да? Это вы на море были? Это год какой? Вы вообще молодые тогда были! Кать, смотри, какая бабушка была стройная!

На черно-белой фотографии в туче брызг от накатившей волны – молодые, смеющиеся и счастливые, куда-то бегущие бабушка и дедушка.

Страница сразу закрылась. Шикнула на сестру, а мелкая непонимающе округлила глаза:

– А чего я? Что не так сказала-то?

Да разве старая наша бабуля? Да ей всего шестьдесят шесть! Это разве возраст?..

Бабушка, не замечая наших переглядываний, переворачивала страницы, всматриваясь в лица дорогих ей людей, вполголоса говорила:

– Это вот, девочки, моя мама молодая. Помните бабу Лиду?

Баба Лида, наша прабабушка, умерла прошлой осенью, конечно, мы обе её помнили. Машка задумалась:

– Она хорошая была, добрая такая, терпеливая. И не скажешь, что войну пережила.

– Так потому и добрая, что войну пережила, знала цену и горю, и добру, – вздохнула баба Надя. – По мужу-то она Калинина, а по отцу – Салей, вот видите, Салей Иван Фомич?

Бабушка указала на подпись под небольшим снимком молодого человека в военной форме:

– Это вот мамин старший брат, он ещё в Испании воевал, добровольцем из милиции пошел, да ранили его там, повезло, можно сказать. И здесь войну прошел, а потом в Венгрии комендантом городским служил. А уж после войны в Слюдянке военруком был...

Пальцы бабушки бережно погладили фотографию, а потом и всю страничку, словно сметая с неё прожитые годы.

– А это – младший брат, Станислав, погиб он. Молодой был, а молодые про смерть тогда мало думали...

Юноша с зачесанными назад волосами над высоким открытым лбом смотрел прямо на нас, чему-то улыбался, словно спрятал от всех свою мечту, тайну, известную только ему одному. Никто так и не узнает, что означала его улыбка...

Машка ткнула в потрепанный и склеенный по кусочкам снимок:

– Баб, а это кто?

Бабушка тихонько отвела руку внучки:

– Осторожно, Машенька. Это отец твоей прабабушки, Фома Савельич, тоже Салей. Под Москву попал сразу после того, как мобилизовали. Тогда ведь много молодых в первые месяцы войны положили, а уж потом стали брать здесь, в Сибири, возрастных, семейных. Знаешь, как сибирские дивизии под Москвой воевали? На уроках же рассказывали?

Сестренка растерянно посмотрела на меня:

– Наверное... Не помню...

– Так прочитай сама, это же и про прадедов твоих написано! У меня письмо от Фомы Савельича было, затерялось только. Давно читала, помню, что одно оно и было. Перед боем писал. Против их батальона немцы танковую бригаду бросили. А они не ушли. Смяли их танки, прямо в окопы вдавили. Так в земле и остались...

Голос у бабушки дрогнул, рука смахнула с щеки маленькую каплю. Маша потрясенно смотрела в лицо бабушки:

– Что, живых людей? Танками?

– Танками, Маша, танками. В Игнино, около Куйтуна, стела есть. На ней имена их написаны. Вот теперь и остались нам только имена да фотографии... Да я вот немного помню ещё. Мне мама рассказывала, а отец не любит о войне вспоминать, тяжело ему.

– Это ты про деда Женю?

– Тебе-то он прадедушка, а мне – папа. Он до войны с родителями в Ленинграде жил, выехали в эвакуацию они по Ладоге, когда та замерзла. Ехали в кузове, жались один к другому, чтоб теплее было. А потом бомбить дорогу начали, папа рассказывал, как ему страшно было вокруг смотреть, видеть, что грузовики под лед уходят с людьми вместе. Он глаза закрыл, так и ехал, ничего не видя, до железнодорожной станции, заставляя себя не о войне и смерти думать, а вспоминать, как жил с семьей раньше, в довоенное время. А уж в эшелоне наглядился всего: людей, умиравших от голода и ран, похороны в общих ямах где-то на полустанках. Торопились тогда, многих так и похоронили без имени, теперь уж и не узнать, кто где лежит. Папе уже девяносто четыре, а ему до сих пор страшно вспоминать об этом, больно говорить. Вот так – вспоминать больно, а война его всё мучает, не уходит, он и забыть не может, ничего забыть не может...

Мы с сестренкой сидели обе притихшие, глядя на покоробившиеся, потускневшие от времени фотографии теперь уже своих, близких, родных и понятных людей. Молчали. Слова кипели где-то внутри вместе со слезами, но сейчас они были не нужны. Сейчас надо было просто помолчать.

До дома шли с сестрой тоже в молчании. И уже возле двери Маша повернулась ко мне:

– Кать, давай я сама напишу про наших. Сама, ладно? У меня получится.

Только кивнула в ответ. Конечно, получится. Ведь помогать ей ничего и никого не забыть будут все те, чьи лица она сегодня впервые увидела. Вся наша семья.